

УДК 811.512.111

**КЛАССИФИКАЦИЯ АБСОЛЮТНЫХ АГНОНИМОВ
ЧУВАШСКОГО ЯЗЫКА***

CLASSIFICATION OF ABSOLUTE AGNONYMS OF THE CHUVASH LANGUAGE

Э. В. Фомин

E. V. Fomin

*БОУ ВПО «Чувашский государственный институт культуры и искусств»
Минкультуры Чувашии, г. Чебоксары*

Аннотация. Статья посвящена установлению разновидностей абсолютных агнонимов чувашского языка, под которыми понимаются слова и словосочетания, значение которых неизвестно. Проведенный анализ показал, что все их многообразие в итоге сводимо к ограниченному количеству типов, основанных на наличии или отсутствии предполагаемых значений, структурных особенностях, сущностных параметрах. Обозначенный подход позволит глубже осознать природу абсолютных агнонимов и составить объективную методику их успешной семантизации.

Abstract. The article is devoted to the various Chuvash absolute agnonyms (words and word combinations the meanings of which are not known). The analysis showed that all the variety of the agnonyms is reduced to several types based on the existence or lack of supposed meanings, structural features, intrinsic parameters. The designated approach will allow to realize the nature of absolute agnonyms and to develop a verifiable technique of their semantization.

Ключевые слова: агнонимы, типы агнонимов, классификация, чувашский язык.

Keywords: agnonyms, types of agnonyms, classification, the Chuvash language.

Актуальность исследуемой проблемы. Агнонимы как слова, значение которых неизвестно части носителей языка, еще недавно представлялись монолитным явлением. Затем с обращением внимания исследователей на пласт слов, семантика которых никому неизвестна, понадобилось введение нового термина. Теперь они называются абсолютными агнонимами [10, 259]. И это не просто терминологические нововведения, а констатация внутренней сложности агнонимов и признание первого этапа их дифференциации состоявшимся.

В свою очередь в ходе разработки методики семантизации уже понадобилась внутренняя классификация абсолютных агнонимов. Таким образом две тысячи совершенно разных по характеру единиц могут быть сведены к нескольким типам, предполагающим следование частным алгоритмам семантизации (о подходах к дефинированию агнонимов см. [8]).

Материал и методика исследований. В основу исследования положены абсолютные агнонимы, зафиксированные в словаре чувашского языка Н. И. Ашмарина [1]. Все их

*Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 13-04-00045

многообразие в работе подвергается типологизации на основе учета внешних параметров. Классификации сопровождаются примерами семантизации, установленными с привлечением методов ближней этимологии.

Результаты исследований и их обсуждение. Абсолютные агнонимы в чувашском языке не являют целостную систему. Это лишь пласт случайной лексики с неизвестным значением или неуверенным толкованием, завещанный осмыслению лингвистам будущего лексикографами первой половины XX в. [2, III].

Пробный словарь агнонимов чувашского языка, изданный в 2013 г., определил исходную позицию проведения исследований [6]. Словарь только констатирует проблемный статус лемм:

ерккён слово с неизвестным значением [1, т. 5, 410];

имёш: Имёш юмăс имя легендарной старухи-знахарки [1, т. 3, 120];

пуртёш хăмпи выражение с неизвестным значением в наговоре [1, т. 10, 92];

сар ҫип ути зверобой? [1, т. 11, 68].

К настоящему времени успешно семантизированы около тысячи абсолютных агнонимов. Первоначально языковеды предполагали, что даже уверенные семантизации агнонимов не позволят признать их полноценными лексическими единицами [9, 177]. Однако специалисты все больше убеждаются в обратном. Среди агнонимов немало слов и фразем, достойных включения в литературный язык. И даже более, при желании из семантизированных абсолютных агнонимов можно составить искусственные предложения, фонотактически и грамматически подлинно чувашские, но понятные исключительно составителям, например: *Авра уйланкалла кăрккăмăшпа йăкăштарса айтатăр*. 'В сторону округлой поляны давайте отправимся на стригуне, скользья'.

В основу классификации абсолютных агнонимов можно положить такие внешние параметры, как уровень семантизованности (1), специфика структуры (2), сущностные характеристики (3). Как бы странным ни показалось на первый взгляд, в семантизации агнонимов важными оказываются внешние свойства, а не внутренние (выведение их проблематично).

1. По уровню семантизованности можно выделить агнонимы с предполагаемым значением (1.1), агнонимы, зафиксированные без толкований (1.2), и агнонимы, ограниченные констатацией родовых признаков (1.3).

1.1. Агнонимы с предполагаемым значением. Группа составляет значительную часть агнонимичной лексики чувашского языка, см., например:

акар устаревшее слово, по-видимому, означавшее борзую собаку [1, т. 1, 87–88];

апăсла³ приблизительно то же, что *сосла* [1, т. 5, 392];

йăмлăх материя, вещество (крайне сомнительное слово) [1, т. 5, 72];

нихути заумное слово, от русского *не ходи?* [1, 9, 37];

павлин то же, что *урттăш, турткăш* павлин? [1, т. 9, 74];

тулă хăяхё стебель пшеницы? [1, т. 14, 121].

На первый взгляд их нельзя квалифицировать в качестве абсолютных агнонимов. Однако это не так хотя бы потому, что не всегда предполагаемые значения оказываются справедливыми. К примеру, в словарной статье *ёреске* угадывается попытка лексикографов предположить русское происхождение леммы:

ёреске зря? *Ёреске ан ту*. Неожиданно не сделай [1, т. 4, 130].

Однако преобразование *зря* в *ёреске* предполагает сложный и невероятный путь фонетических изменений. Между тем более надежным представляется иная интерпрета-

ция: *ёреске* ≤ русское *резко* ‘внезапно; грубо, дерзко’ с закономерным протетическим [ь] в анлауте. Кроме того, не случайной кажется диалектная параллель *ёрескел* ‘напрасно, без причины, ни за что’; *ёрескеллĕ* ‘неожиданно, скоропостижно, зря, ни с того, ни с сего; необыкновенно (хорошо), чересчур, чрезвычайно’ (ср. также с казахским *өрескел* ‘грубый, несуразный, ничем не оправдываемый, не соответствующий норме’) [4, 65].

1.2. Агнони́мы, зафиксированные без толкований. Данная группа абсолютных агнонимов нередко приводится в сопровождении иллюстративного материала или иных сведений. Настоящий пласт составляет другую значительную часть словаря агнонимов чувашского языка.

Слова данной группы в словаре Н. И. Ашмарина лемматизируются следующим образом:

ийпен. *Ийпенетĕп* [1, т. 3, 87];

камалсър. *Тепри камалсър тăвакан шыва юсанĕ.* Другой исправил воду, которая делает *камалсър* (перевод наш. – Э. Ф.) [1, т. 6, 50];

юлăш гл. *Юлăшмарĕ?* (знак вопроса в оригинале) [1, т. 4, 319].

Такие случаи, как правило, успешно поддаются семантизации, см., например:

ĕлех гл. *Саспа кулса сÿрекен сынна ĕлехет теççĕ.* Человека, который смеется в голос, называют *ĕлехет* [1, т. 4, 99]. < ĕ- прот. + лех подражание хихиканью. В лемматизированном слове наблюдается переход подражательного *ĕлех* в разряд глаголов. Реконструируемая глагольная форма от *ĕлех* – *ĕлехлет*. Ср.: *лĕхлет* ‘хихикать, посмеиваться’ < *лĕх(-лĕх)* ‘подражание хихиканью’ + *-лет* аффикс отыменного глаголообразования; *лахлат* ‘громко смеяться, хохотать’ < *лах(-лах)* ‘подражание хохоту’ + *-лат* аффикс глаголообразования. Контекстуальное значение *ĕлех* – ‘смеяться громко’ вступает в противоречие с внутренней формой, предполагающей значение ‘хихикать’, видимо, из-за указания на громкость смеха – *саспа* ‘в голос’.

Сложные случаи семантизации составляют агнонимы без каких-либо сопровождающих сведений. Они являют образцы неких звуковых комплексов с утерянным значением, см., например:

йолккă [1, т. 4, 319];

купелек [1, т. 6, 301];

лăпук [1, т. 8, 113];

ума¹ [1, т. 3, 236];

эрхемет [1, т. 3, 32].

В попытках семантизации такой лексики не за что ухватиться. Разве что ключом к идентификации слова может стать его фонетический облик (созвучие с известными словами исследуемого, родственных и контактировавших языков), и то в исключительных случаях.

В результате применения обозначенного подхода под агнонимом *йолккă* можно предположить русское заимствование *ёлка*, а *купелек* возвести к чувашскому *кÿпелек* ‘четырёхугольная кумачовая нашивка на передё женского платья’ или татарскому *кубăлк* ‘бабочка’ (чувашское слово явно татарского происхождения). Но проверить справедливость данных предположений (*йолккă*) или уточнить значение (*купелек*) практически не представляется возможным. В остальных случаях (*лăпук*, *ума*², *эрхемет*) остается всего лишь признать агнонимичный статус слов.

1.3. Агнони́мы, ограниченные констатацией родовой принадлежности, см., например:

автан ури название растения [1, т. 3, 261];

аслă йос название животного [1, т. 5, 11]

кенче название растения [1, т. 6, 189];

курак сырли название ягод [1, т. 7, 3];

сараки название цветка [1, т. 11, 62];

сур тырри пулли название рыбы со светлыми чешуйками, маленькая [1, т. 12, 256].

Эти слова и фраземы до сих пор не включались в состав абсолютных агнонимов. Группа объемна и представляет тип, крайне сложно поддающийся семантизации, поскольку иллюстративный материал при агнонимах, как правило, отсутствует.

2. По структурным параметрам следует выделить однословные агнонимы (2.1), агнонимы в составе фразем (2.2) и производных слов (2.3).

2.1. Однословные агнонимы, например:

йӓпав утеха? [1, т. 5, 79].

катар. *Пирӓн Тумкӓ хӓрӓсем катар кутлӓ шупӓрна, симӓс тӓслӓ саппанна, ука янӓ пысхипа.* Девушки нашего *Тумкӓ* в шубыре с задней частью *катар*, в переднике зеленого цвета, с поясом, украшенным позументом (перевод наш – Э. Ф.) [1, т. 6, 157].

нӓсӓлке мягкий, нежный? *Йӓтӓн епле йӓлтӓрка, кӓпи епле нӓсӓлке.* Лен какой блестящий, рубашка из него до того *нӓсӓлке* (перевод наш – Э. Ф.) [1, т. 9, 61].

Выделение данной группы вызвано исключительной необходимостью противопоставить ей пласт агнонимов, существующих в условиях синтагм.

2.2. Агнонимы в составе синтагм. Их существование в чувашском языке обусловлено развитым синтаксическим способом деривации. Группа неоднородна. Исходно ее следует разделить на три части.

2.2.1. Полностью агнонимичные синтагмы:

пӓт тӓва то же, что *шӓп тула* как раз наружу? [1, т. 10, 154];

хантӓр чӓни название растения [1, т. 16, 49].

Количество таких агнонимов ограничено несколькими единицами. Примеры являются интереснейший факт редкого стечения абсолютных агнонимов. В практике семантизации еще не было ни одного случая удачного дефинирования агнонимичных синтагм.

2.2.2. Синтагмы с одним агнонимичным компонентом:

чикра: чикра шӓрса водяной бисер [1, т. 15, 201];

шапшӓ: шапшӓ вути щавель [1, т. 17, 129].

В синтагме *чикра шӓрса*, в целом семантизируемой как водяной бисер (?), первый компонент является словом с неизвестной семантикой, *шӓрса* – бусина.

Словарная статья *шапшӓ вути* сопровождается иллюстративным материалом (*Шапшӓ вути – кӓшкар (в)ути.* ‘Шапшӓ вути – щавель’) и названием населенного пункта, которым паспортизировано слово, – Малое Карачкино Ядринского района Чувашской Республики. География слова сразу же дает основания проверить возможное марийское происхождение *шапшӓ*, и подход оказывается правильным: *шапшӓ вути* ≤ горномарийское *шапшуды* ‘щавель’, букв. ‘кислая трава’ из *шаны* ‘кислый’ + *шудо* ‘трава’ [3, 141].

2.2.3. Синтагмы, состоящие из семантически прозрачных слов, но в целом отмеченные проблемным значением:

салтак пуç солдат? *Салтак пуç пул терӓ те, çавӓнна салтак пултӓм пуль.* Сказал, чтобы стал *салтак пуç*, наверное, потому стал солдатом (перевод наш. – Э. Ф.) [1, т. 11, 37];

çӓç си повязка для головы? *Йӓпӓр-йӓпӓр юр çӓват, пирӓн çӓç си пулмӓси (пулмӓши?).* Торопливо идет снег, у нас не будет *çӓç си*? (перевод наш. – Э. Ф.) [1, т. 12, 307];

типӓ шӓрӓх засушливая, знойная погода? *Хӓлле типӓ сивӓ пулсан сула типӓ шӓрӓх пулат.* Если зимой будет сухой холод, летом будет *типӓ шӓрӓх* (перевод наш. – Э. Ф.) [1, т. 14, 59].

По сути синтагмы данной подгруппы являются агнонимами условно. Их значения, предположенные уже лексикографами, как правило, справедливы.

2.3. Агнонимы в составе производных слов. Группу представляют связанные корни, значение которых уже неизвестно носителям языка, а их производные обладают доступной семантикой, ср.:

антър: антърлă украшенный неизвестным предметом, называвшимся антър в загадке о серьгах. Антърлă, чѣнтѣрлѣ, арки вѣсѣ кѣмѣллѣ. Украшено антър и кружевом; концы пол украшены серебром <...> [1, т. 1, 257–258];

кавсăк: кавсăклан истлеть. См.: касăл быть разрезаемым [1, т. 6, 19, 124].

Семантизацию агнонимов в составе производных слов можно провести путем вычитания значения словообразовательных аффиксов. Однако это не дает гарантии объективности. По сути их необходимо рассмотреть с учетом морфологической и этимологической составляющих. Именно таким образом была установлена семантика агнонима шык:

шык: шыксăр безобразный [1, т. 17, 187].

Путем отсечения каритивного значения, придаваемого слову аффиксом -сăр, в агнониме шык можно признать красоту, гармонию. Дополнительное подтверждение предполагаемому значению находим в татарском языке, где шык – красота; уют; см. также: шыксыз (где -сыз ~ чуваш. -сăр) ‘некрасивый, невзрачный, неказистый; неприятный на вид, неприглядный, безобразный, гадкий; неуклюжий, нескладный; неуютный, небурный’ [7, т. 2, 640], а также ср. с русским шик ‘показная роскошь, щегольство’.

3. По существенным характеристикам разграничиваются абсолютные агнонимы (3.1) и квазиагнонимы (3.2).

3.1. Абсолютные агнонимы. Группу составляют все слова и словосочетания с неизвестным или неуверенным значением (см. примеры выше). Выделение группы вызвано двумя причинами: во-первых, необходимостью разграничить между собой обычные и абсолютные агнонимы; во-вторых, желанием противопоставить последним явления, микрирующие под них, в частности, квазиагнонимы.

3.2. Квазиагнонимы. Данную разновидность агнонимов составляют слова, зафиксированные прежде всего в ошибочном написании и реже – приведенные в неизвестной диалектной форме. И таких случаев в словаре Н. И. Ашмарина набирается немало.

Квазиагнонимы в словарь включаются несколькими способами, например:

сименлѣ. Тѣнчере усал сименлѣ япала пит нумай. В мире очень много плохих сименлѣ вещей (перевод наш. – Э. Ф.). Описка вместо сиенлѣ вредный? [1, т. 11, 145];

тулăш то же, что тулаш наружная сторона? Описка? Лашасене тулăшне тăварса хăвараççѣ. Распрягая, лошадей оставляют в тулăш (перевод наш. – Э. Ф.) [1, т. 11, 117].

В целях не формальной, а уверенной семантизации каждый квазиагноним должен подвергнуться повторному рассмотрению – следует проверить соответствие общего смысла контекста и предполагаемой семантики квазиагнонима, возведенного к известному аналогу с учетом ошибок в пределах допустимости.

О явных случаях фиксации слова с ошибками или признания его редким закономерным вариантом уже известной лексемы следует сообщить в аналитической части словарной статьи, см. примеры анализа квазиагнонимов – ошибочной (йене) и вариативной (инхăр-ханхăр):

йене¹ в молитве. Может быть, описка вместо йѣне? Йене сипетлѣ сывлăмна ўкерѣсѣнчѣ. Йене благодатную росу заставил бы выпасть (перевод наш. – Э. Ф.) [1, т. 4, 278]. Ошибочное орфографирование йѣне ‘мокрый, влажный’.

Настоящее заключение сделано потому, что, во-первых, в чувашском языке не существует слова *йене*, семантически близкого к реализованному контексту (*йене*² ‘как’ ≤ *епле*); во-вторых, лексикографами уже предложен фонетически и семантически близкий аналог *йёне* ‘мокрый’; в-третьих, понятен механизм ошибочного орфографирования – пропущена дужка над буквой *e* первого слога, что на письме случается достаточно часто.

инхӑр-ханхӑр по-видимому, то же, что *инкӑр-ханкӑр* тартарары. *Ёлӑк ҫын вилсен пытарнӑ чухне инхӑр-ханхӑра кайтӑр тенӗ*. В старину, когда хоронили человека, говорили: пусть уйдет в *инхӑр-ханхӑр* (перевод наш. – Э. Ф.) [1, т. 3, 126, 125]. То же, что литературное *кинкӑр-канкӑр* ‘преисподняя, тартарары’ [11, 178].

В пользу справедливости вариативного характера агнонима *инхӑр-ханхӑр* говорят такие факты, как предложение составителей словаря под ним понимать то же, что и *инкӑр-ханкӑр* (литературное *кинкӑр-канкӑр*) ‘тартарары’; созвучие с ясно осознаваемыми аналогами (*инкӑр-ханкӑр*, *кинкӑр-канкӑр*); содержание иллюстративного текста об отпращивании души человека куда-то, скорее в преисподнюю.

Приведенной классификацией разнообразие агнонимов не исчерпывается. Кроме перечисленных, имеются агнонимы в составе заумных фольклорных текстов и собственных имен. Они как лексико-фразеологические единицы, существующие в особых условиях, должны стать объектом специальных исследований [5, 180], [6], [3].

Резюме. Абсолютные агнонимы чувашского языка – сложное явление, представленное значительными объемами. В конечном итоге они сводимы к нескольким типам. Опираясь на них, лингвисты получают возможность исследовать агнонимы более предметно.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ашмарин, Н. И. Словарь чувашского языка : в 17 т. / Н. И. Ашмарин. – Казань ; Чебоксары, 1928–1949.
2. Вместо предисловия // Ашмарин, Н. И. Словарь чувашского языка. – Чебоксары : Чуваш. гос. изд-во, 1934. – Т. 6. – С. I–III.
3. Дмитриева, Ю. Чувашские народные названия дикорастущих растений / Ю. Дмитриева ; ред. К. Адягши. – Дебrecен : Б. и., 2001. – 211 с.
4. Егоров, В. Г. Этимологический словарь чувашского языка / В. Г. Егоров. – Чебоксары : Чуваш. кн. изд-во, 1964. – 355 с.
5. Иванова, А. М. Собственные имена чувашского языка в аспекте теории агнонимов / А. М. Иванова // Сборник научных трудов молодых ученых и специалистов. – Чебоксары : Изд-во Чуваш. ун-та, 2013. – С. 178–181.
6. Материалы для словаря агнонимов чувашского языка / составитель Э. В. Фомин. – Чебоксары : Пегас, 2013. – 258 с.
7. Татарско-русский словарь : в 2-х т. – Казань : Мӑгариф, 2007.
8. Фомин, Э. В. Агнонимы чувашского языка как объект научного изучения / Э. В. Фомин // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. – 2013. – № 3 (79). – С. 174–177.
9. Фомин, Э. В. Опыт лексикографирования асемантической лексики чувашского языка / Э. В. Фомин, А. М. Иванова // Материалы Международного конгресса «Актуальные проблемы комплексного исследования алтаистики и тюркологии». – Кокшетау : Кокшетаус. гос. ун-т, 2009. – С. 176–180.
10. Фомин, Э. В. Опыт составления словаря агнонимов чувашского языка / Э. В. Фомин // Вестник Чувашского университета. – 2013. – № 4. – С. 259–263.
11. Чувашско-русский словарь. – 2-е изд. / под ред. М. И. Скворцова. – М. : Рус. яз., 1985. – 712 с.